

Анна Данилова

ПОРА ЧЕРЕШЕН

Научи меня играть, жить,
любить...

Анна Данилова

**Пора черешен. Научи меня
играть, жить, любить...**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23283189
ISBN 9785448384035*

Аннотация

Связь студентки-пианистки Лены со своим преподавателем, любовь, первые разочарования... Нежная, почти без кожи, Лена вступит во взрослую жизнь, не подозревая, как она бывает порой жестока. И когда же наступит ее пора любви, пора черешен?...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Пора черешен
Научи меня играть,
жить, любить...**

Анна Данилова

© Анна Данилова, 2017

ISBN 978-5-4483-8403-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Декабрь 1997 г.

Это был ночной частный ресторан, а потому можно было не переживать, что их здесь кто-нибудь увидит. Рука Ильи Николаевича скользила по коленям Лены, и пальцы его разве что не играли, как на клавишах рояля, прикасаясь к ставшей много чувствительнее за последние полчаса коже...

За маленьким полукруглым оконцем завывал злобный декабрьский ветер. Выюга грозила разбить залепленные снегом стекла и ворваться в этот душный, почти горячий мирок, наполненный запахом жареной гусятины, легкого сигаретного дымка и дешевых цветочных духов.

Вседозволенность и порок – так Лена называла про себя то, что составляло теперь ее жизнь, рождая непонятные и смутные чувства, так много напутавшие в ее еще неокрепшем сознании. Она сидела, выпрямившись на стуле, и взгляд ее, затуманенный вином, блуждал от одного столика к другому: она рассматривала сидящих посетителей и хотела понять, все ли, забредшие сюда, в этот ночной ресторан, ведут такой же вольный и опасный образ жизни, как она. Она сравнивала себя с красиво одетыми и смеющимися девушками, усердно поедающими горячую еду и не выпускающими из рук бокала или рюмки, пытаясь представить скрытую за праздничной внешней и яркой оболочкой их настоящую

жизнь с буднями и бытом. Кто эти девушки? И кем они приходятся тем мужчинам, обнимающим их за талию или усаживающим к себе на колени? Женами? Любовницами?

Она все время молчала, не в силах сосредоточиться на вяло текущем и, в общем-то, дежурном разговоре двух, слегка подвыпивших людей, забредших сюда в поисках тепла и уединения.

...Илья Николаевич Тарасов вот уже четыре месяца являлся ее официальным преподавателем специальности, то есть фортепиано, в музыкальном училище. Человек новый, он сразу же обратил на себя внимание своей яркой внешностью: при ярко-голубых глазах и почти белых волосах у него были черные густые брови и усы. Высокий, стройный, он казался потерявшимся на просторах российской глубинки хрестоматийным принцем из сказок братьев Гримм. И это было лишь первое впечатление. Когда же на вечере посвящения в студенты Тарасов сел за рояль и заиграл Шопена, все поняли, что он – гений. И это, еще не зная толком, кто он и откуда. И только лишь позже стало известно, что он приехал в П. из Москвы, где преподавал в училище Гнесиных...

Он сразу стал звездой, до которой все хотели если не дотронуться, то хотя бы насмотреться досыта, до головокружения...

Знали также, что он женат и у него есть маленькая дочь. Тарасову было около сорока, но выглядел он на двадцать

пять.

Лена, увидев его впервые вблизи, на первом занятии по специальности, забыла даже, как ее зовут, настолько сильное впечатление произвел на нее новый преподаватель. И это было неудивительно – ведь летом ей, неискушенной, исполнилось всего восемнадцать. Она была девственницей, хорошо и легко училась, хотя смутно представляла себе, зачем ей все это надо и правильно ли она вообще сделала, что занялась всерьез музыкой. Хотя, с другой стороны, она не представляла себя никем другим, кроме, как пианисткой или, на худой конец, преподавателем фортепиано в музыкальной школе. Быть может, она бы так и жила, пребывая в сонной и скучной своей положительной бессмысленности, называемой жизнью, если бы не Тарасов. Лишь встретив его, она поняла, что вся ее прежняя жизнь была, оказывается, лишь подготовкой к встрече с Ильей Николаевичем. И теперь, когда она видела его почти каждый день, в женской ее оболочке – напрочь вытеснив все мозги с привычными и ленивыми мыслями ни о чем – расцвел пышный розовый куст любви, аромат которого кружил голову, дурманил, делал ватным тело и даже как-то повлиял на ее речь... Да, она стала заикаться при виде своего обожаемого Ильи Николаевича и поняла, что потихоньку сходит с ума. Она думала только о нем, ей нравилось произносить вслух его имя и фамилию, она до сильнейшего возбуждения рисовала себе, наконец, сцены свидания с ним... И только железная воля (причем, явно

избирательного характера) заставляла ее по шесть-семь часов заниматься, разучивая сложнейшую программу, подготовленную специально для нее Тарасовым... Особенно успокаивали ее этюды, когда, совершенно не придавая значения тому, ЧТО она играла, она, думая о своих внезапно вспыхнувших чувствах к Илье Николаевичу, представляла себе их следующее занятие... И не было на всем свете человека, способного как-то поколебать ход ее мыслей относительно ее кумира, ее тайного любовника, и, конечно же, переполнявших ее смутных, но острых желаний... Она смотрела на пожелтевшие клавиши старого пианино, а видела любимое лицо с печальными голубыми глазами, льняные волосы, к которым хотелось прикоснуться, и даже слышала, как ей казалось, исходивший от Тарасова характерный запах горьковатого одеколона, смешанный с запахом шерсти (он носил свободные, крупной вязки, джемпера, которые ему, вероятно, вязала его жена).

Дома, запершись в своей комнате и уже не обращая внимания на то, что к маме в очередной раз пришел ненавистный ей Капелюш (фамилия маминого друга почему-то ассоциировалась у Лены с каплями и коклюшем), который непременно съест все запасы колбасы и сыра, Лена до дурноты смотрела эротические фильмы Тинто Браса. Представляя себя на месте его раскованных и соблазнительных героинь – распаленных зрелых женщин, и еще не понимая природы своего состояния и, тем более, не зная способа выхода

из этого изнуряющего водоворота чувств, она просто-таки сгорала на медленном огне пожирающей ее страсти к мужчинам вообще и воображаемому Илье Николаевичу в частности.

И тебе нравится смотреть эту гадость? – спрашивала ее мама на следующее утро, выпроводив предельно тихо Капелюша за дверь и делая вид, что она спала одна на широкой своей кровати. – Ведь кроме ТАКИХ фильмов нужно смотреть и другие...

Но Лена не могла ей ответить, что то, чем занималась ночью ее мать со своим любовником, было куда натуралистичнее, чем фантазии Браса, и что сон к ней не шел последние полчаса именно от звуков, доносящихся из маминой спальни, а вовсе не из-за «Паприки»...

– Я смотрю из любопытства, – как можно спокойнее отвечала она, пытаясь даже улыбнуться маме – пока что единственному близкому и родному ей человеку. Но она знала, чувствовала, что скоро в ее жизни что-то переменится, и на смену дочерней привязанности, доставляющее ей ощущение тепла и любви, появится совершенно новое, чувство, от которого уже сейчас дух захватывает...

Когда они с Ильей Николаевичем играли в четыре руки Моцарта (его до-мажорный концерт для фортепиано с оркестром с облегченным переложением партии оркестра), она слышала не расстроенный немецкий «Petrof», а действительно оркестр... Она вдыхала всей грудью влажный от дождя

и мокрых листьев воздух (в классе было всегда распахнуто окно, и Тарасов, слушая ее игру, любовался качающимися и шумящими осенней, золотой листвой деревьями) и думала о том, что никогда еще в жизни не была так счастлива... Осень и Моцарт слились воедино, и даже клочок посиневшего от холода и близкого ноября неба казался необычайно красивым, матовым, музыкальным...

Они занимались только музыкой. Лена, внимательно следившая за всеми слухами, которые ходили по училищу, поняла, что ее пассия в высшей степени нравственна – ни одного романа, ни одного повода для сплетен, ни одного, неосторожно брошенного слова... Тарасова лишь видели несколько раз в обществе его жены – хрупкой молодавой женщины-подростка с короткой стрижкой, отдававшей предпочтение брюкам и явно из ложной скромности (таково было общее мнение) носившей лишь серебро. Уже это, как считала Лена, лишало Тарасову женственности и делало мысли о возможном романе с ее мужем менее греховными, чем в том случае, если бы его жена была более интересной и не такой пресной...

Однако, слово «роман» не подходило к тем чувствам, которые Лена вынашивала в своем сердце. Она, не знавшая физической любви, вынуждена была считать, что платонические отношения, которые связывали ее с Ильей Николаевичем сейчас, просто идеальны и не нуждаются в более глубоком развитии... Единственно, чего бы ей хотелось, так это

возможности предельного уединения с Тарасовым. Она мечтала хотя бы раз остаться с ним в классе на несколько часов, чтобы иметь возможность побыть с ним подольше и поговорить не только о музыке, но и так, вообще, о жизни... Возможно, она позволит даже ему себя поцеловать. А дальше он и сам не пойдет – не может человек, живший одной музыкой и так много времени ей уделявшей, променять чистоту настоящих отношений с сексом. «Секс – какое соленое, отравляющее душу, слово».

Но первого декабря, когда снега в городе выпало столько, что дворнику вечером пришлось откапывать двери училища, а транспорт вообще встал, Лена, спустившись в гардероб, увидела поджидающего кого-то у самого выхода Тарасова. Одевшись, она хотела было пройти мимо, как он вдруг, быстро оглянувшись и убедившись, что их никто не видит, незаметно сунул ей в руку записку. И тотчас, развернувшись, почти бегом кинулся к лестнице, ведущей на второй этаж. Было семь часов вечера – училище опустело, закрытые классы притихли и стали непохожи сами на себя. Сомкнув широкие лаковые деревянные губы и спрятав белые и желтые зубы-клавиши, задремали пианино и рояли. Гардеробщица что-то вязала у себя в уголке, рядом с ней стояла электрическая плитка, на которой разогревался гороховый суп, аромат которого слегка оживлял училищные горьковатые от мастики и обилия сухого дерева запахи...

Лена с бьющимся сердцем развернула записку и прочла:

«Класс 202». Это был класс духовиков, там занимались тру-бачи, саксофонисты, флейтисты...

Он находился на втором этаже, в самом конце, под лестницей, ведущей на чердак.

Лена как была в пальто и меховом капоре поднялась по лестнице и остановилась в нерешительности перед дверью с потускневшей табличкой «202».

– Входи, – вдруг распахнулась дверь, и Илья Николаевич почти втащил Лену в класс. – Раздевайся...

Он стоял перед ней во всем черном, что так шло к нему, а в чистых и блестящих светлых волосах его играли блики от электрических ламп. Глаза его блестели, тяжелые веки делали взгляд насмешливым, сонным и, вместе с тем, внимательным...

Он обнял ее, и Лена от неожиданности и обрушившихся на нее чувств, едва не потеряла сознание... Он не целовал ее, а только обнимал, прижимая к себе и пытаясь руками охватить всю ее целиком вместе с расстегнутым теплым пальто, съехавшим с ее головы норковым капором и ставшими почти живыми и смешными в своей подвижности короткой юбкой и душным свитером...

– Что вы делаете? – прошептала Лена, не размыкая глаз, понимая, что все, что с ней сейчас происходит, лишь очередная фантазия, что такого не бывает, что она наверняка сейчас едет в переполненном автобусе и дремлет, наслаждаясь этим дивным и наверняка коротким сном.

– Я люблю тебя, Леночка, я просто с ума схожу, когда вижу тебя...

Голос у него был совсем не такой, когда они с ней вместе накануне разбирали бетховенскую сонату и обсуждали, какой лучше выбрать темп. Он говорил низким бархатистым голосом, который лишал ее последних сил...

...Она открыла глаза и поняла, что лежит на столе; в классе совсем темно, и она уже не может видеть склоненного над ней мужчину. Она видит лишь свои согнутые колени, голубоватые от света уличного фонаря, яркого и бесстыдного, подглядывающего за ними и растущего откуда-то снизу, из заснеженного тротуара, и еще мерцающую копну взъерошенных волос Ильи Николаевича... Чувствует его ласки, огненные губы, касающиеся живого электричества тела... Или... она зажмурилась, пытаясь понять, что же происходит: она – раскрытый цветок, раскинувший лепестки и выставивший солнцу и пролетающим пчелам свою богатую нектаром сладкую середину. Было жарко, хорошо и жарко, и она застонала, и тотчас, испугавшись звука, сомкнула колени и села, обхватив себя за плечи. Щеки ее пылали, она не знала, как ей вести себя дальше. А Тарасов между тем что-то говорил ей, брал ее за руку и тянул куда-то...

– Ты не должна меня бояться... Ведь я теперь С ТОБОЙ... И тебе надо привыкнуть ко мне, к моему телу... Это – любовь... Иди же ко мне, не бойся... Я тебе расскажу, как это делается...

В ту ночь она возвратилась домой около полуночи. Мама, выйдя из спальни и запахивая на ходу халат, казалась сонной и вместе с тем какой-то смешной... Она извиняющимся тоном пробормотала, что жареной курицы уже нет: «Леночка, ты поужинай бутербродами с лососиной и холодным омлетом, я сейчас налью тебе чаю...» Она даже не поинтересовалась, который час и почему ее дочь пришла так поздно. И лишь, когда спустя несколько минут Лена услышала шлепающие шаги в прихожей, поняла, что это Капелюш пошел в туалет... Значит, он опять он здесь. (вставка)

Когда же в квартире все стихло, она на цыпочках вошла в ванную комнату, пустила горячую воду и долго рассматривала себя в зеркало, прежде чем раздеться... Ей почему-то хотелось плакать. Она не знала, как ей жить дальше, не знала, как будет себя вести завтра утром на занятии после всего того, что произошло между ней и Ильей Николаевичем. Но самое главное, что так мучало ее, был вопрос: чем они вообще занимались? И был ли с ней Тарасов или совсем другой мужчина, пытающийся перевоспитать ее и добиться того, чтобы она воспринимала хотя бы человеческую наготу как нечто, само собой разумеющееся? Он демонстрировал ей свое тело и требовал от нее того же, мягко, но вместе с тем настойчиво, как старший, как много больше знающий и понимающий в любви... Да, он так и говорил «в любви»...

Лена и сама знала, что задержалась в своем развитии, что она, пожалуй, единственная девственница если не в училище, то на их курсе уж точно... У всех ее подруг были возлюбленные, которые, кто посостоятельнее, снимали квартирки или комнатки в центре для своих встреч, а то и устраивали интимные встречи прямо в классах, как и они сегодня с Тарасовым... Но разве то, чем они занимались, можно назвать любовью? Это какой-то «ликбез»...

Он прервал свои ласки и «учения» в самый неподходящий момент, когда Лена почувствовала, что у нее остановилось сердце, а все тело превратилось в какой-то сочный и невероятно приторный и душистый плод, готовый вот-вот лопнуть от спелости... И ей ничего не оставалось, как одеться и уйти. Видела ли она его лицо в тот момент, когда уже повязав под подбородкой шелковую ленту капора, она накинула пальто и собиралась уже выйти из класса?... Видела – оно было преисполнено покоя и счастья... Он смотрел на нее глазами благодарного учителя, которого и на этот раз не подвела любимая ученица. Вот только Лена не могла смотреть на него долго, потому что в классе вот уже с полчаса как горел свет (шторы предусмотрительный Илья Николаевич успел задвинуть так плотно, как это вообще возможно), а сам он сидел на расшатанном кресле голый, белый, с опущенными плечами... Лена с трудом поняла, отчего это на него накатило такое блаженство, что он даже поцеловал ей руки на прощанье.

– Ты не представляешь себе, до чего нежна твоя кожа,

она пахнет медом, лесом, травами, молоком... Ты чиста, как только что народившийся цветок... Подойди ко мне... Ты уже не боишься меня? Смотри, что делается, а?

И ей снова пришлось опуститься перед ним на колени...

А потом он сам надел на ее голову капор и спросил, почему она носит такой странный головной убор и разве модны ли сегодня капоры?

– В прошлом году они только начали входить в моду, а сейчас их носят все, просто вы не замечали...

– Моя жена носит меховой берет... – проговорил он задумчиво. – Извини, я не должен был вообще говорить о ней...

Он поцеловал ее в щеку и подождав, пока она снова оденется, легонько подтолкнул ее к двери:

– Ну, иди-иди, спокойной ночи...

Он даже не проводил ее, и она восприняла это как меру предосторожности. Хорошо, что у нее были деньги на такси – она с великими трудностями добралась по заснеженным улицам до дому.

И теперь лежала распаренная в постели, металась по ней и слезы душили ее непонятные...

А утром к ней зашла мама и сказала, что Капелюш будет теперь жить с ними. Что он порядочный человек, хорошо зарабатывает, что с ним им будет жить легче, спокойнее и что, возможно, они даже купят большую квартиру.

Мама Лены была еще молодая женщина, с прекрасной

фигурой, хорошим цветом лица и большими прозрачными зелеными глазами, которые унаследовала и дочь. И волосы у обеих были теплого, медного оттенка, и были густыми, шелковистыми. Но если мама – Наталия Быховская – знала цену своей красоте и пользовалась ею постоянно, на протяжении многих лет для достижения своих самых невероятных целей (как то: удачное замужество, поправление своих материальных

дел, приобретение в вечное пользование преданных и талантливых любовников, каких у нее всегда было в избытке, или возможность побездельничать и пожить в свое удовольствие, забыв навсегда слово «работа»), то Лена в силу своего инфантилизма и серьезного увлечения музыкой, считала свою внешность посредственной и была уверена, что главным в ее жизни являются занятия музыкой, изнуряющие упражнения, доводящие до совершенства ее технику и мастерство, как пианистки.

Но так было все до первого декабря. После слов, произнесенных Ильей Николаевичем, когда он увидел ее обнаженную, Лена уже не могла оставаться прежней. Проснувшись в шесть утра, она первым делом принялась рассматривать себя в сером свете зимнего хмурого утра, поеживаясь от холода и усмехаясь затвердевшим соскам и покрытой гусяной кожей груди... Ей не верилось, что ее мечта сбылась, и что теперь их – ее и Тарасова – связывает тайна. Тайна ночного свидания. Теперь для нее начнется совершенно другая

жизнь, полная любовных переживаний, совсем как у взрослой женщины, как, быть может, в молодости у мамы... Хотя по-настоящему женщиной она не стала. В физиологическом плане. Илья Николаевич сказал, что им некуда торопиться, что к ЭТОМУ надо подходить с особой щепетильностью и расставание с девственностью должно превратиться в праздник. Значит, начиная с сегодняшнего дня, она будет медленно входить в новое состояние, превращаясь в женщину?

– Ты меня слышишь?

Лена очнулась. Она стояла в ванной и грела руки в горячей воде, пока не поняла, что в дверь стучат. Конечно, Капелюшу не терпится умыться-побриться? Что ж, мама имеет право на личную жизнь, да и сколько им можно прятаться?

Она открыла дверь и увидела закутанного в черный махровый халат Капелюша – высокого, с копной черных с проседью, волос и огромными, кофейного оттенка, глазами навывкате мужчину. Он подмигнул ей и срылся в ванной.

– Доброе утро, – донеслось до Лены.

«Доброе утро,» – ответила она ему про себя и вернулась в комнату.

– Ты будешь оладьи с повидлом или яичницу? – спросила, заглянув к ней в спальню мама, и лицо ее, когда она это говорила, вдруг показалось Лене таким милым и добрым, что ей захотела прямо сейчас рассказать ей о своей любви к Илье Николаевичу, но за спиной матери вдруг возникла высокая

фигура Капелюша, и они оба, хохоча, убежали в кухню. «Как молодые», – почему-то с раздражением, ревностно подумала Лена. Маме теперь будет не до нее, как впрочем, и Лене не до Капелюша и их предстоящей свадьбы. Мама сказала, что ей должны привезти из Эмиратов белое платье из муслина.

За завтраком они впервые в жизни сидели ВТРОЕМ. Обычно мама выпроваживала своих любовников рано утром, чтобы не травмировать свою повзрослевшую дочь визитами часто меняющихся мужчин. Но Капелюш, по-видимому, превзошел всех бывших поклонников маминой красоты и ума по всем показателям. Она остановила свой выбор на нем. Почему?

– Твоя мама вкусно готовит, – сказал он, ловко сворачивая оладий на вилку и макая его в яблочное повидло, – а ты умеешь готовить? Ты молчишь? Не хочешь со мной разговаривать?

Лена зачем-то представила Капелюша голым. Наверно, он волосатый, подумала она, наблюдая за тем, как высовываются при каждом движении его руки из широких рукавов халата, открывая взгляду запястья, густо заросшие черной шелковистой блестящей шерстью, как у животного. «У него, наверно, и грудь волосатая, и спина, и ноги...»

– Если ты не знаешь, как меня называть, я тебе подскажу: Борис. Вообще-то я Борис Михайлович, но для тебя просто Борис. И будь уверена, мы с тобой подружимся. Я умею ла-

дить с людьми, даже с такими дикарьками, как ты. Ты ешь и не обращай на меня никакого внимания.

Мама, тихонько вздохнув, опустила свое лицо на ладони, уперев локти о стол, и прикрыла в каком-то немыслимом блаженстве глаза. «Совсем как Тарасов вчера ночью...» Лена вдруг подумала, что ощущение счастья, которое вчера появившись неожиданно, длилось всего лишь несколько первых минут ее свидания, будет обязательно отравлено в случае, если на него будет отпущено больше минут, а то и часов... Счастье оно тем и хорошо, что длится мгновение. Ведь то, что проделывал с ней потом Илья Николаевич было странным и уж никак не могло зваться любовью, как бы не убеждал ее в этом ее возлюбленный. Или это она в силу своей неопытности никак не может перестроить свое сознание? Ведь смотрит же она фильмы, видит, как это происходит между другими, тогда почему же ей так тяжело выполнить просьбу человека, которого она любит?

– Меня немного тошнит, – сказала Лена, не подумав, какой смысл может придать ее словам пока еще мало знающий ее Борис.

– Тошнит? Может у тебя... – предположила мама, но Лена отрицательно замотала головой. – Нет, это не то, еще рано...

Разве могла она признаться, что ее тошнит от воспоминаний? Что она словно слышит запахи, которыми сопровождались их сумбурные и странные ласки?

Она посмотрела на свои руки и тут же, представив, что

они такие же, какими были вчера, спрятала их даже за спину.

– Да что с тобой? – очнулась мама, которая выйдя из своего приятного оцепенения, теперь внимательно смотрела на дочь, пытаясь понять причину столь странного поведения. Ей в голову пришла мысль, что Лена презирает ее за то, что они делали вчера в гостиной после того, как закончился футбольный матч, ведь она запросто могла, подойдя к двери, увидеть лежащих на полу маму и Бориса... – Ты хорошо спала?

– Да, я хорошо спала. У меня все в порядке. А тошнота, это так, от голода, наверное... Или вчера в столовой съела несвежую котлету... У нас ведь как – останутся котлеты, их разогревают на следующий день, а то и через день...

– Мрак! – гаркнул Борис и взял еще один оладий. – Ты лучше приходи домой, потратишь время, зато сохранишь здоровье...

Он как-то хорошо это сказал, и голос его прозвучал так, словно звучал здесь долгие годы... Лена улыбнулась ему.

– Спасибо за завтрак, – прошептала она растроганно и вышла из-за стола. – Знаете, я даже рада, что у вас все хорошо...

Сказала и густо покраснела, почти выбежала из кухни.

Она опоздала на занятие. Тарасов встретил ее нежным поцелуем, и она сразу успокоилась, потому что все сто двадцать

минут, пока она добиралась до училища, переживала о том, что он будет себя вести так, словно ничего не произошло.

– Как настроение? – спросил он, усаживая ее за фортепиано и целуя в затылок и прижимая ее к себе, стоящему сзади нее.

– Не знаю... Я принесла Прокофьева, могу показать Баха, вот

только в третьей части мне неудобно брать пассаж в бахах...

– Это сложный кусок, потренируешься и все получится...

На нем был белый свитер с высоким воротником. Он был зимний, сладко пахнувший мужскими духами и морозом. Из распахнутой большой форточки же рвался в прогретый за ночь класс пахнувший арбузами прохладный воздух. Полы в это утро показались Лене особенно чистыми и начищенными мастикой, как никогда. нигде не было ни пылинки, и солнце играло на лаковой поверхности инструмента, на нотных страницах, на клавишах, на розовых гладких стенах...

Илья Николаевич сел за соседний инструмент и сосредоточенно слушал игру Лены.

Занятие прошло как обычно. Не было сделано и намека на следующее свидание. И только в конце дня, когда Лена спускалась по лестнице к гардеробу, уставшая от трудного диктанта по сольфеджио и в уме еще продолжая анализировать услышанное, чтобы определить, правильно она записала услышанную терцию или нет, она увидела поджидающего

(быть может, ЕЕ) Тарасова. Он делал вид (а, может, и нет), что изучает расписание на доске объявлений. И снова, как и вчера, в холле никого, кроме них не было. Как нарочно.

– Моя машина за углом, поужинаешь со мной?

Синий скромный «опель» она увидела с трудом, потому что вся улица была заставлена заснеженными машинами, походившими одна на другую... Постояв минутку на крыльце и дождавшись, пока в машину не сядет Илья Николаевич, Лена перебежала улицу и села в машину за ним следом. И рядом с ним.

– А вы не боитесь, что нас кто-нибудь увидит?

– Нет, мне нечего бояться... Я люблю тебя, а не ворую...

– А если кто-нибудь увидит и расскажет вашей жене? – Ей и самой было неприятно говорить об этом. «Как в дешевой мелодраме.»

– Мы с женой чужие люди. Так что не бери в голову... – Он повернулся к ней и в каком-то искреннем и естественном порыве положил ей свою голову на грудь, шумно вздохнул. – Бедная ты моя девочка...

– Почему... бедная? – спросила она шепотом, изнемогая от нежности к этому такому взрослому и в то же время по-мальчишески живому мужчине, еще способному испытывать столь сильные чувства. Ей казалось невероятным, что она, студентка-второкурсница, сидит в машине своего любимого учителя, человека, которым восхищается все училище и которого боготворят все студентки и преподавательницы,

и что он сейчас повезет ее куда-то ужинать! Ее, обычную девчонку, которая играет посредственно, одевается – проще некуда (если не считать, конечно, роскошного норкового ка-пора), да к тому же еще и совершенно неопытную ученицу, с которой ему, наверно, так скучно, что приходится искать какие-то приемлимые способы для удовлетворения...

– Это я так... Ведь ты еще так молода! Твои родители не будут волноваться, если ты задержишься сегодня так же, как и вчера?

Она смотрела на его профиль, на его руки, держащие руль, и никак не могла себя заставить поверить в реальность происходящего.

– Извините, я задумалась... Нет, они не будут волноваться, потому что они... уехали... в гости и сами вернуться не скоро...

Она почти не врала, потому что ее «родители» были теперь как новобрачные и использовали, как казалось Лене, каждую минуту, чтобы побыть вдвоем. Так зачем же им мешать?

– Смотри... Как у тебя дела? Говорят, вам сегодня достался сложный диктант...

– Мне кажется, что я написала все правильно... Не понимаю, зачем вообще устраивают эти конкурсы, отборы... По мне так сольфеджио вообще никому не нужно. разве что в музыкальной школе.

Машина плавно зптормозила на темной улице. Илья долго

целовал ее в темноте, покусывая губы и язык, а потом сказал, что сильно ней соскучился и не может больше сдерживать свои чувства.

Спустя четверть часа Лена была готова отдаться ему прямо в машине, вот только не знала, как это делается. Она сидела в расстегнутом пальто и чувствовала, что произошло что-то нехорошее. Кто-то дерзкий и злой, кто сидел внутри ее тела, требовал либо крови, либо мяса. И имя этому состоянию она знала теперь отлично. Это было возбуждение, которое до встречи с Ильей было смутным и неосознанным, а теперь сжигало ее изнутри...

– Зови меня Ильей, хорошо? – Он нежно привлек ее к себе и погладил по голове, по растрепанным волосам. – Какие у тебя красивые волосы... Ты похожа на молоденькую кошечку, рыженькую, с зелеными глазами, пушистую и гибкую... Скажи, ты любишь меня?

Но она молчала, потому что слово, которое он ждал, было слишком легковесным для определения того дикого желания, которое он в ней вызывал. И это было трудно назвать любовью. Это была болезнь с жаром, потерей сознания (не обмороком, а именно потерей сознания, ума или того, что его заменяет) и каких-то конкретных желаний...

– Илья Николаевич... – она собарлась с духом, чтобы задать ему волнующий ее вопрос.

– Говорю же, зови меня просто – Илья.

– Хорошо, Илья... – она подивилась сама, что произнесла

это с легкостью. – Скажи, зачем ты все это делаешь? Зачем мучаешь меня?

– Ты же девственница, с тобой по-другому нельзя... Если хочешь, я дам тебе литературу, прочитаешь и поймешь, что мы с тобой молодцы и все делаем правильно. Ты должна постепенно привыкать к взрослой жизни, которая теперь будет состоять не только из музыки, но и из меня, из отношений, какие бывают между мужчиной и женщиной. Ты чувственная и очень нежная девушка, ты возбуждаешь меня невероятно, я просто теряю с тобой голову... Ты ведь выйдешь за меня замуж?

Она промолчала, подумав о том, что сходит с ума. Нет, так не бывает. Или бывает, но только в романах, в кино...

– У вас же дочь...

– У меня ПОКА нет детей... Это девочка Клары, моей бывшей жены...

– Вы что, развелись с ней?

– Официально – нет, но мы не живем с ней, как муж с женой. У нее давно уже есть другой мужчина.

– И вы терпите?

– Зови меня на «ты», так нам будет проще привыкнуть друг к

другу... Знаешь, а ты очень способная, это я уже о музыке.

Ты когда играешь, мне кажется, и не задумываешься над тем,

что написано в нотах, ты ее чувствуешь...

И тут случилось то, что должно было случиться. Она слишком быстро вернулась в реальность и совсем нехотая вспомнила про своих учеников — двух мальчиков, которым она по средам давала уроки фортепиано. Они, наверно, уже заждались в клубе, где ей было разрешено заниматься за небольшую арендную плату.

— Что-нибудь случилось, что это ты так резко замолчала?

— Я вспомнила, что у меня сегодня были дела... Ученики...

— Я могу отвезти тебя, куда только скажешь... Хотя мы уже приехали...

Лена молча смотрела в окно. Они приехали почти на окраину города. Прямо перед ними стоял светящийся оранжевыми окнами двухэтажный особняк.

— Это ресторан, но его мало кто знает... Публика здесь постоянная, а хозяин — брат моего московского приятеля... Так что, выбирай — ученики или жареный гусь! Я шучу, не расстраивайся, завтра позвонишь и объяснишь, придумаешь что-нибудь... В жизни всякое бывает. Кроме того, сколько они тебе платят?

— Десять тысяч рублей за урок.

— Да ты с ума сошла! Ты же моя ученица! Меньше пятидесяти даже и не думай...

Так, разговаривая, они взошли на заметенное снегом крыльцо, Илья позвонил и спустя несколько минут их впустили в жаркое и душное помещение, тесное, но заставлен-

ное кадками с настоящими пальцами и красными бархатными креслами. Мужчина в черном костюме, увидев Илью, поздоровался с ним и, улыбнувшись, сказал, что столик уже накрыт и что если угодно, то гуся подадут прямо сейчас.

Очевидно, раньше весь первый этаж занимала квартира, потому что зал ресторана напоминал обычную гостинную, разве что чуть попростронее обычной «сталинки». С десятков столиков, накрытых белыми скатертями, на столиках лампы с красными шелковыми абажурами, посетители, в основном, мужчины, много курят, разговаривают громко пьяными голосами, а фоном всему этому служит тихая и ненавязчивая джазовая музыка «а, ля Амстронг».

– Ты ешь, не стесняйся... Знаешь, как приятно смотреть, когда женщина ест... Особенно такая молоденькая, как ты... У тебя довольно утомленный вид. Но ничего, сейчас ты поужинаешь и поймешь, что все не так страшно, как тебе кажется...

– Вы о чем? – Лена уже выпила половину бокала красного вина и теперь чувствовала, как оно приятной теплой волной плещется где-то в коленях, делая их слабыми, в то время как голова становится на удивление ясной и легкой. – Почему мне что-то должно казаться страшным? Мне так хорошо с вами...

– С «тобой», – поправил ее Илья и придвинул к ней тарелку с салатом. – Вот, попробуй, это с маслинами и грибами, очень странное сочетание... А как тебе гусятина?

– Все так вкусно... Только мне все равно как-то не по себе... Вы знаете, это же мое первое такое, НАСТОЯЩЕЕ свидание... У меня были, конечно, знакомые мальчишки, но это, в основном, сыновья маминых подруг, они такие глупые, смешные и все, как один, мечтают стать военными...

– Ты целовалась с ними?

– Нет, они же не были похожи на мужчин... Кажется, я опьянела... Отвезите меня, пожалуйста, домой...

В машине она уснула.

Незнакомая ей комната была залита ярким солнечным светом. В аквариуме плавали разноцветные рыбки. На подоконнике цвел ярко-розовыми цветками «декабрист».

– Доброе утро... – услышала она и, повернув голову, увидела рядом с собой на подушке растрепанную голову Ильи. Лицо его было на редкость серьезным. – Это хорошо, что ты проснулась сама, а то я не хотел тебя будить... Ты как себя чувствуешь?

И прежде, чем она успела ему что-то ответить, он рывком перевернул ее на спину, сорвал с нее тонкое шерстяное одеяло, каким она были прикрыта, и не давая ей времени, чтобы опомниться, раздвинул ей ноги и вошел в нее, сильно, больно, рывком, раздирая ей плоть и с остервенением забился на ней, бледнея с каждым движением и, уже не чувствуя себя мужчиной, а скорее зверем, прокусив ей мочку уха, оказав-

шуюся прямо возле его губ...

Он не слышал ни ее криков, ни стонов, ничего, им двигал инстинкт и немного белой пыли, которую он вдохнул вместе с утренним прохладным воздухом...

Глава 2

Когда она открыла дверь своими ключами, то не поверила своим глазам – на кухонном столе ее ждала записка: «Леночка, мы останемся ночевать у Рожковых. Целуем, мама и Борис.»

Значит, не будет сцен, упреков, слез? Но разве это лучше? Пусть были бы и упреки и даже пощечина... Но была бы мама.

Она снова была одна. Совсем одна. Тарасов изнасиловал ее. Он сказал ей, целуя и прокушенное ухо, что не мог совладать со своими желаниями. И ради вот этих ощущений женщины выходят замуж и ложатся каждый день, вернее, каждую ночь в постель с мужчинами?

В это верилось с трудом.

Внутри все болело. И ей было наплевать, привезет ли он ее на машине или оставит на улице. Она ненавидела его за причиненную боль, за то, что он не сделал этого вчера вечером, в машине, когда она была готова принять его. Он захотел унижить ее, шокировать, взять, как берут принадлежащую ему по праву вещь... И все это называется взрослой жизнью? Да пропади она пропадом, такая жизнь!

Ванну она приняла еще там, на месте преступления, в квартире, принадлежащей соседу Ильи, который одолжил ему ключи, а сам уехал в командировку на месяц.

Она едва доплелась до постели и рухнула в нее, не чувствуя ничего, кроме боли. И в это время раздался телефонный звонок. «Мама!»

Но это была не мама. Звонил дядя Кирилла, ученика Лены, на занятие с которым она вчера так и не пришла. Лена вспомнила, что его зовут Марк Анатольевич.

– Здравствуйте... Извините, но вчера я не смогла придти, у нас был конкурс, мы писали диктант...

– Это вы нас извините, ведь Кирилл улетел вчера в Германию... А мы не смогли вас вовремя предупредить, закружились...

– Значит, вы вчера не приходили?

Она еще и сама не понимала, радоваться ей или нет, мысли путались, закручиваясь в клубок и вызывая нервный озноб. Кровотечение усилилось, и она подумала, что если в ближайшие полчаса мама не вернется, она может умереть от потери крови.

Вот эта мысль была предельно ясной и от нее повеяло могильным холодом.

– Марк... извините, забыла ваше отчество...

– Можно просто Марк...

И она вспомнила его внешность – худощавый мужчина с хорошими манерами, только вот очень бледный и какой-то чопорный что ли... Красивое спокойное лицо с внимательными глазами, плотно сжатые губы. Похоже, он действительно сильно любит своего племянника, раз сопровождал его

на каждое занятие. И ведь это не отец, а всего лишь дядя...
– Марк, вы не могли бы приехать ко мне сейчас... Мне кажется, что я теряю сознание... Улица Бессоновская, дом пятнадцать «а», квартира третья...

Ей вдруг стало хорошо, она оглохла и перестала вообще что-либо чувствовать... Стены медленно плыли перед глазами, как удаляющиеся борта теплохода, на котором она в детстве так мечтала прокатиться до Астрахани и обратно...

Она смутно помнила, как вставала для того, чтобы положить конец непрекращающимся звонкам в передней – это пришел какой-то, окутанный туманом, мужчина, который легко подхватив ее, как прозрачное и слабое облачко, вынес на свежий воздух...

А потом была машина с пахучими кожаными сидениями и большим, прямо-таки гигантским попугаем, раскачивающимся где-то наверху, под потолком... И все. Дальше – одни провалы, один за другим...

Последние три дня, проведенные в больнице, она чувствовала себя чуть ли не симулянткой, настолько смешной оказалась причина, по которой она сюда попала. В этом аду, зовущемся гинекологическим отделением, лежали действительно тяжело больные женщины, страдающие, один вид которых вызывал жалость и чувство беспомощной злобы по отношению к мужчинам. Ведь это по их вине женщины прини-

мали свои муки и, надо сказать, почему-то безропотно, словно понимали, что иначе их нельзя было назвать женщинами.

«Болезненная дефлорация» – что может быть нелепее и смешнее?

Она позвонила домой уже на следующий день и сказала взволнованной долгим отсутствием дочери маме, что они с Таней Розановой готовятся к прослушиванию и занимаются допоздна в училище, а потому пару дней она поживет у нее. Дело в том, что Таня действительно жила рядом с училищем, и перед сессиями Лена не раз оставалась ночевать у нее.

Оказывается, лгать – это совсем просто, особенно, если ты своим враньем не приносишь никому вреда, а только наоборот – успокаиваешь. Мама сказала, что Капелюш купил ей подарок, который ей непременно понравится.

Навряд ли он ей купил бы подарок, знай, что она натворила над собой и что вообще себе позволила.

Лена вошла в маленькую каморку, пропитанную запахом карболки, и приняла из рук нянечки большой холщевый полосатый мешок со своей одеждой. Теперь и ее вещи будут противно пахнуть этой дезинфицирующей дрянью, как часть больничного мира, этой шаткой ступеньки на пути к смерти.

Живот вот уже два дня как не болел, и только слабость напоминала о происшедшем, да чувство какой-то безысход-

ности и ненависти... Хотя, с другой стороны, она почему-то снова хотела увидеть своего мучителя, ведь теперь они стали почти родными. Он проникал в ее тело, а, значит, был ее частью. Такое нельзя забыть, и он наверняка ждет ее, волнуется, пытается навести справки об ученице Быховской, одной из самых своих способных и талантливых питомиц.

– Вас ждут, – сказала ей какая-то женщина в белом халате уже перед самым выходом из больницы.

– Кто?

– Мужчина, – хмыкнув и пожав плечами, произнесла незнакомка и скрылась за дверью с табличкой «Процедурная».

Лена прибавила шаг и остановилась, как вкопанная, увидев стоящего за прозрачными стеклянными дверями Марка. Вот уж кого-кого, а его она ожидала увидеть здесь меньше всего.

– Это вы? – она замялась, не зная, о чем с ним говорить.

На улице потеплело, снег растаял и пахло почему-то весной. Вот только небо было неприятного, свинцового оттенка, без голубизны. Тусклые желтые лучи солнца казались нарисованными и уж совсем не грели.

– Пойдемте, я отвезу вас домой... – Марк предложил ей руку, на которую она оперлась, и они двинулись вдоль больницы аллеи, молча, как люди, которые уже давно все обсудили и теперь просто наслаждались тем, что остались живы.

– Я позвонил и мне сказали, что вас сегодня выписывают... С вами все в порядке?

– Да... Это такая ерунда, ничего серьезного, просто дисфункция...

– Вы еще такая молоденькая, поэтому ничего удивительного... Вы еще развиваетесь, растете, наверно, а потому вам сейчас надо бы побольше отдыхать, хорошо питаться, а вы изнуряете себя учебой, да еще даете частные уроки... Разве можно так себя не любить? Вы всерьез намерены стать известной пианисткой или же вас устроила бы карьера преподавателя музыкального заведения?

Он так смешно рассуждал, этот Марк, этот взрослый, можно даже сказать, солидный человек, который, вместе с тем, ничего не смыслил в жизни музыкантов. Тщеславие – это ли не рычаг, способный заставить человека работать до обморока?!

– Кирилла увезли в Германию, я уже говорил?

Она очнулась. Оказывается, они проехали уже пол-города, а она так ни разу и не проронила ни слова. Это было в высшей степени невежливо, если учитывать, что Марк ей – никто, просто человек, творящий добро. Другое дело, что он явился свидетелем ее беды, боли и унижения, о которых он пока ничего не знал и, возможно, помогал ей из-за скуки, чтобы заполнить ту брешь в стремлении о ком-то позаботиться, которая образовалась после отъезда Кирилла.

– Извините, я задумалась... Вы привязаны к Кириллу...

вы, случайно, не его отец?

Она спросила, прекрасно отдавая себе отчет в том, что только неблагоприятные свиньи могут вот так беспардонно и нахально вторгаться на территорию чужой интимной жизни, скрытой от глаз посторонних, но потому-то и задала этот идиотский вопрос, что понимала: Марк простит ей его и вполне вероятно даже, что откровенно ответит на него, сделав предварительно ссылку на ее состояние. Ведь она считалась выздоравливающей, а потому ей многое прощалось. Она вызывала жалость, и на этом можно было сыграть.

Лена испытала к себе отвращение, когда услышала:

– Нет, это сын моей сестры, у нас с женой нет детей... Ну вот, мы и приехали.

Машина остановилась возле подъезда ее дома, Марк, проворно выйдя из машины, обошел ее и открыл дверцу со стороны Лены.

– А это вам, – после того, как он помог ей выйти, в его руках откуда-то появилась маленькая коробочка с засахаренными орешками, которые она любила.

– Откуда вы знаете, что я их люблю?

Она смотрела широко раскрытыми, потемневшими глазами на этого почти незнакомого ей человека и старалась прочесть в его взгляде хотя бы тысячную долю того мужского любопытства, которое она читала до этих пор в глазах своего первого мужчины. Но ничего подобного там не нашла. Марк был мысленно очень далеко от нее. Он только и сказал:

– Я видел эти конфеты в вашей сумочке где-то с неделю тому назад, когда вы доставали оттуда записную книжку... Мне очень жаль, что мы не будем больше с вами встречаться...

Она не поняла. То, что он сказал, никак не соответствовало холодному блеску его глаз и печальным губам, которые лишь на мгновение осветились улыбкой. Должно быть, ей померещилось...

– Спасибо вам за все... Если у вас объявится еще один племянник, позвоните и я постараюсь научить его нотной грамоте и даже поставлю ему руку... Всего хорошего, – и она, быстро и неожиданно для себя самой чмокнув его в ледяную гладкую и душистую щеку, быстрым шагом направилась к двери.

Капелюш встретил ее радостным: «Ого! Кто к нам пришел!»

Это не я, а ты к нам пришел, хотела ответить Лена, но лишь слегка улыбнулась и скрылась в своей комнате. Чуть позже из ванной комнаты вышла мама и почти ворвалась к дочери.

– Ну как дела? Все в порядке?

Главное, что у нее самой было все в порядке. Лена уже давно не видела маму такой счастливой. Она просто-таки лучилась радостью, да так, что встретив ее на улице в таком со-

стоянии, ее запросто можно было бы принять за подвыпившую.

– Да, все в порядке...

– Вид у тебя, прямо скажем, неважнецкий... Послушай, а что это от тебя несет дустом? У Тани морили тараканов?

– Морили, представь себе, эти твари их просто замучили...

– Знаешь, а тебе звонили... Какой-то мужчина с приятным голосом... Мы ним немного поговорили, и я поняла, что он много старше тебя...

– И о чем же вы с ним говорили? – Лена почувствовала, как

по спине ее прокатилась неприятная капля пота. Ей вдруг стала отвратительна мысль, что Тарасов беседовал с ее матерью. Зачем это му было нужно?

– А почему это ты не спрашиваешь, КТО звонил-то? Ты знаешь?

– Конечно.

– Да ничего ты не знаешь! Ну кто? Кто?

– Ладно, я пошутила, я не знаю, кто мог мне звонить, потому что у меня нет знакомых мужчин.

– А вот и есть. И зовут его Илья Николаевич, это твой преподаватель по специальности, он позавчера неожиданно вылетел в Москву и позвонил тебе, чтобы предупредить, что никакого прослушивания не состояться...

– И что ты ему сказала?

– А что я должна было ему сказать? Я объяснила ему, что ты сейчас временно живешь у Розановой и готовишься к сессии... Что тебя проще застать ночью в училище, чем дома... Он очень вежливый человек и произвел на меня самое приятное впечатление... И еще... Знаешь, мне показалось, что он очень дорожит тобой... Ты извини, малышка (она назвала ее так, как звала всю жизнь, считая ее маленькой и беззащитной, и только последние месяцы, увлекшись Капелюшем, забыла, очевидно, это нежное и, принадлежащее лишь им одним словом), что я так редко расспрашиваю тебя о твоих делах... Ты стала совсем взрослой и мне порой бывает неловко за свое поведение.

Скажи, ты по-прежнему любишь меня ли ревнуешь к Борису?

– Конечно люблю... – Лена обняла маму и разрыдалась у нее на груди. Какое счастье, думала она в эту минуту, что у меня есть такая молодая и всепонимающая мама.

– Ну ладно, успокойся... Ты просто устала, смертельно устала... Послушай, а что, если тебе взять академический отпуск? Поедешь с нами в Крым, отоспишься там, отдохнешь от своих дурацких клавиш... лучше бы ты училась на бухгалтера, честное слово... А еще лучше – послушайся моего совета, – выйди замуж и роди ребенка. Ты и представить себе не можешь, как резко изменится твоя жизнь и как заиграет все вокруг совершенно новыми, свежими красками... Если ты мне доверишься, я сама найду тебе подходящую канди-

датуру... Все, тс..., это Борис...

В эту минуту, постучавшись, вошел Капелюш, в руках его был красный сверток.

— Это свитер! — воскликнула мама в порыве восхищения и слишком бурной для такого события радости. — Чудесный шерстяной свитер, мягкий и легкий, как пушинка... Примерь-ка! Его привезли из Исландии специально для тебя, это подарок...

Лена с благодарностью посмотрела на сияющего Бориса и снова подумала о том, в какой же грязи она оказалась и как же теперь она будет смотреть в глаза своим домашним, как наденет на себя, на оскверненное и уже не принадлежащее ей тело, этот новый красивый свитер? И хотя она прекрасно понимала, что это глупо, что потеря девственности не должна восприниматься ею так серьезно, что к этому надо бы отнестись с философским спокойствием, как если бы она потеряла очередной молочный зуб, но куда она могла деться от своих же, и при том, вполне искренних и естественных чувств? Куда ей было деться от если не ханжеского, то, по крайней мере, почти классического воспитания, которое дала ей (кстати, хотя и далеко не праведная, но тем не менее понимающая всю меру ответственности за дочь) мама, которая чуть ли с пеленок подсовывала ей настоящую, серьезную литературу, откуда маленькая Леночка черпала все познания основных жизненных критериев и элементарно училась по ним, что же такое «хорошо», а что такое «плохо»?!

Но даже отлично зная реакцию своей матери на известие о том, что ее взрослая дочь превратилась в женщину – а мама непременно возьмет на себя обязанность рассказать о всех плюсах и минусах ее теперяшнего положения и постарается ее успокоить относительно всех ее наверняка беспочвенных, но вполне понятных в ее возрасте комплексах и сомнениях, – Лена продолжала прислушиваться к себе и выискивать в своем поступке только низкие, похотливые мотивы.

– Тебя к телефону! – услышала она спустя полчаса и взяла трубку.

– Привет, это я...

Она опустила трубку, не зная, что делать, положить ли ее на место или все же ответить Тарасову, голос которого вызвал дрожь во всем теле и какое-то сладчайшее чувство опенения и, вместе с тем, страха.

– Слушаю... – голос ее предательски вибрировал.

Что он собирается ей сказать? Просить прощения?

– Я нашел для тебя совершенно изумительную пьесу

Хачатуряна, когда мы сможем увидеться? Ты здорова? Куда ты исчезла? Тебя не было ни у какой Розановой... – говорил он, перескакивая с музыки на здоровье и наоборот, после чего, после этого бреда вдруг сказав:

– Я сегодня заеду за тобой. Будь у своего подъезда в семь часов. Все будет хорошо.

Но что теперь может быть хорошо, когда бывшего ощущения чистоты НЕТ?!

Она не успела ничего ответить, как он положил трубку.

— Кто это? — спросила мама, внезапно возникшая рядом и источавшая аромат духов — они снова куда-то спешно собирались, эти счастливчики, эти прожигатели жизни, эти ненормальные, плавающие в медовом, предсвадебном теплом озере чувственности. И вопрос-то ее прозвучал слишком уж легкомысленно, можно даже сказать ДЕЖУРНО.

— Мне должны принести ноты вечером, я ненадолго отлучусь... Кроме того, надо бы пригласить настройщика, ты слышала, как у нас фальшивят басы?

— Никаких проблем! Возьми деньги, скролько тебе нужно и пригласи настройщика. И вообще, — она понизила голос и перешла на заговорщеский шепот, как она всегда делала, когда собиралась сообщить что-то немислимо приятное, — Борис сказал, что тебе нужна новая шубка... Заметь, он сказал это сам, я ему и слова не говорила про то, что твое пальто продувается всеми ветрами... Но ты, между прочим, сама виновата, что не носишь заячий тулуп... Все-все, молчу... согласна, что он довольно смешно на тебе смотрится... Но ТОГДА у нас с тобой не было денег, а теперь, когда я выхожу замуж за Капелюша, у нас с тобой будет столько шубок и сапожек, сколько только мы пожелаем... Так что можешь присмотреть себе что-нибудь в разумных пределах, а в субботу ты мне покажешь, что выбрала, и мы купим тебе шубу...

И она поцеловала Лену, приобняла и исчезла, раствори-

лась в темноте передней...

Они ушли – Лена услышала, как хлопнула входная дверь, и она снова осталась совершенно одна. Квартира стала нестерпимо тихой, и Лена поставила своего любимого Грапелли. Хохочущая джазовая музыка постепенно наполнила ее кровь прозрачным вином пусть и кажущегося, но все же счастья. Ей стало весело. В сущности, что такого особенного произошло? Ничего. Просто она стала взрослой. А боль... про нее она постарается не вспоминать. Через эту боль прошли все, начиная с решительной и соблазнительной Евы.

Включив во всех комнатах яркий свет, Лена, танцуя, кружилась по квартире, одновременно переодеваясь и готовясь к свиданию. Все страхи ее улетучились, более того – на место холодных рассуждений о своей дальнейшей жизни явилось резко обостренное желание увидеть Илью Николаевича и предстать, наконец, перед ним в своем новом обличье...

Она остановилась перед зеркалом и придиричливо оглядела себя, слегка подрагивающую от легкого волнения и озноба. На ней были трусики и кружевной лифчик, и все это белого цвета.

Она на цыпочках, словно мама стояла где-то поблизости, подошла к ее шкафу и, открыв сразу несколько ящиков, принялась ворошить сложенное аккуратно белье... Уж кто-кто, а мама всегда весьма много внимания и, соответственно, денег уделяла своему нижнему белью. Лена знала, что одна только нижняя юбка, которую она привезла совсем недавно

из Москвы к своему новому прозрачному вечернему платью, стоила по меньшей мере столько, сколько получает за месяц Тарасов. Это было произведение искусства – тончайший батист с прозрачными, как снежные узоры на стекле, кружевами.

Но сейчас ее волновала не юбка, а черное французское бюстье, подчеркивающее и приподнимающее грудь и, в то же время, почти не скрывавшее ее. И такого же цвета непристойно-невинные трусики, облегающие впалый живот, но совершенно не прикрывающие бедра.

Увидев ее в таком виде, Илья Николаевич, пожалуй, воспримет ее уже в новом для себя качестве и, быть может, оценит совсем по-новому ее красоту и сексуальность.

Лена, краснея, поймала себя на том, что она уже хочет этого свидания, что мысль о встрече с мужчиной, много старше себя, приводит ее в трепет и вызывает желание. Но все равно это желание пока еще смутное и ассоциируется у нее пока еще с болью и сильными душевными переживаниями. Когда же, когда же, наконец, она превратится в настоящую женщину, способную, не обращая внимание на боль, получить от соединения с мужчиной настоящее блаженство, о котором она так много прочитала, увидела в кино и, главное, слышала от своих подруг?

Она взглянула на часы и обмерла: в ее распоряжении оставалось всего лишь четверть часа! Грапелли издевательски взвизгнул одним из своих саксофонов, и, немного успокоив-

шись, вдруг выдал совершенно изумительную, равнодушную в человеческим чувствам вообще, мелодию, расхристанную и расслабляющую сознание...

Без одной минуты семь, она, накинув на плечи мамин полушубок из серебристой лисы и, зашнуровав черные высокие замшевые ботинки, вышла из квартиры и заперла за собой дверь. Она уже знала, что не вернется сегодня домой. Откуда? Да просто знала, и все.

В машине он поцеловал ее и сказал, что чуть с ума не сошел, когда она не появилась на следующий день на занятиях. Лена слушала его, но не понимала, о чем он говорит. В ушах шумело, сердце колотилось, заглушая голос мужчины, а в горле застрял ледяной ком. Ей по-прежнему хотелось только одного – чтобы это мгновение не кончалось, чтобы они сидели вот так вдвоем в машине много-много часов, чтобы снег засыпал их, скрыл от людских глаз... Она не знала, чего ей хотелось конкретно.

Она была счастлива той тайной, которой обладали они оба – преподаватель и ученица – любовники, вышедшие на тропу риска и вседозволенности, засаженную белыми и нежными цветами первой любви и красными цветами любви зрелой, сокрушительной и неотвратимой, как дыхание.

Он повез ее в училище и сказал, чтобы она поднималась на второй этаж, в IX класс, где он покажет ей новую пьесу

и гед они поиграют в четыре руки. Она не была удивлена, ей даже это понравилось, потому что такое отношение Ильи Николаевича к ней свидетельствовало о том, что он воспринимает ее не только, как свою любовницу и объект своих сексуальных желаний, а как Лену Быховскую – пианистку, о которой скоро будут говорить, как об одной из самых перспективных исполнительниц...

Она вдруг представила себя, как они едут вместе с Тарасовым в поезде на гастроли – ведь именно гастроли будут составлять ее будущую жизнь, гастроли, поездки, постоянные выступления, встречи со знаменитостями... Она увидит весь мир! Иначе зачем было вообще в шесть лет касаться клавиш? Затем, чтобы всю жизнь провести в душном классе, обучая сопливых детишек «Как под горкой...» или «Вислой»?!

Никогда еще она не играла так вдохновенно, как в тот вечер. Ей казалось, что они находятся не в маленьком классе, едва вмещающем в себя два кабинетных рояля, а на сцене, а в яме наодится, как огромное и дышащее шумно животное – оркестр...

Они играли сначала в четыре руки Моцарта, затем раннего Бетховена, до-мажорный концерт, затем перешли на Грига...

– Если хочешь, я могу попросить перевести тебя сразу на четвертый курс... Сдашь все экзамены экстерном, выучишь новую программу, я тебе помогу... Кроме того, вес-

ной в консерватории будет проводиться конкурс Нейгауза и ты могла бы принять в нем участие... Как лауреат конкурса ты бы уже в мае поехала в Москву и прослушалась бы у Иргановой...

– Ирганова? Это кто?

– Она делает звезд... Ты ночи не будешь спать, будешь много работать, но в конечном счете станешь настоящей пианисткой, музыкантом с большой буквы... Если бы не ряд обстоятельств, ты думаешь, я бы работал в вашей дыре? И я бы уехал из Москвы?!

Она смотрела на него, такого серьезного и непривычного в своей одержимости и деловитости, которые сейчас так не вязались с их обновленными отношениями, и продолжала восхищаться его длинными белыми пальцами, ласкающими машинально клавиши, его одухотворенным лицом, когда он говорил о музыке и о карьере музыканта вообще («с большой буквы»!)...

Копна блестящих светлых волос лучилась в свете электрических ламп, запрятанных в полуразбитые, с темными пятнами скопившихся мертвых сухих мошек, матовые плафоны (Боже, какой контраст, это убожество и это божество!), и как же хотелось дотронуться до этих шелковистых прядей, погладить их, поласкать... Она испытывала непередаваемую нежность к этому элегантному и таинственному мужчине, шлейф прошлого которого тянулся из темных лабиринтов московских сплетен (и до их городка уже дотянулись слухи

о каком-то скандале, связанном с любовными похождениями с какой-то столичной музыкальной дивой) и придавал Тарасову ореол несправедливо отверженного и изгнанного из рая если не ангела, то существа в высшей степени интересного, неординарного, талантливого, способного на сильные чувства и почти гениального. С привкусом порока, впрочем...

Но разве не таких мужчин предпочитают женщины?

Она, конечно же, соглашалась со всеми его доводами, разве это нереально – сдать все предметы и выучить новую программу? Да она ради Ильи Николаевича забудет про сон и еду, лишь бы поразить его и заставить поверить, что он сделал правильный выбор и что именно она из всего училища оправдывает его надежды и вместе с ним вернется в Москву, но уже не только в качестве ученицы, добившейся признания, а, скажем, жены... Ведь он сам говорил, что они с женой не понимают друг друга, что они совершенно чужие друг другу люди, иначе зачем ему было обнадеживать ее, Лену, приближать к себе и вообще тратить на нее свое драгоценное время?

Он привез ее домой вопреки ее ожиданиям. оказавшись снова перед дверями своей квартиры, она долго не могла взять в толк, что же такое случилось, почему он ни разу за все время, что они были в классе, даже не попытался поцеловать ее? Он что, забыл все, что теперь их связывало? Забыл, как потеряв голову, взял ее почти силой? И почему он не спро-

сил, где она находилась эти дни, что ее не было в училище?

Объяснение такому поведению своего любовника (а ей так нравилось это слово, ведь теперь оно казалось ей таким верным и, что самое главное, имеющим отношение не только к тем роковым женщинам из фильмов из книг, у которых были любовники, но и к ней самой) она нашла очень скоро: он прежде всего видит в ней музыканта, а уж потом человека и женщину. Разве это причина для разочарования?

Но стоя в ванной комнате перед зеркалом и видя свое отражение (испуганные глаза, худенькие плечи, черное кружево, обрамляющее грудь, рыжие волосы, струящиеся по обеим сторонам бледного лица и ослепительно белая кожа), она не понимала, откуда же берутся эти соленые на вкус и горячие слезы, капающие в раковину... Откуда эта обида? Разве лучше было бы, если бы Тарасов накинулся бы и сорвал с нее одежду?...

Неожиданно вернулся Капелюш. Сел в растерянным видом перед телевизором и сделал вид, что его интересуют мелькающие на экране фигурки. Но именно сделал вид, потому что на самом деле у него было лицо человека, который слегка запутался в происшедших с ним событиях и теперь вот уединился, чтобы их осмыслить и, возможно, чтобы просто прийти в себя.

— А где мама? — спросила Лена, к присутствию кото-

рой в доме он явно не был готов и теперь, предварительно вздрогнув, смотрел на нее каким-то странным, изумленный и вместе с тем обрадованным взглядом.

– А, это ты? Надо же, а я был просто уверен, что дома никого нет... Что это ты впотымах здесь?

– У вас что-нибудь случилось? Вы поссорились?

– Ой, нет, ну что ты, Леночка... Мы слишком много чего повидали в своей жизни, чтобы ссориться или выяснять отношения... Просто все люди разные, и, соответственно, их поведение отличается от поведения другого человека...

И только теперь до Лены донесся этот едва уловимый запах спиртного, отдающего сладкой ванилью. Он выпил, этот Капелюш, оставив так, где ему подносили, маму.

– Так где же она? – Лену его молчание уже стало раздражать.

– Она заехала к портнихе, вернее, зашла, а мне сказала возвращаясь домой. Ей, видите ли, будет беспокойно чувствовать себя там, если она будет знать, что ее ждут... Она у тебя чрезмерно мнительная и совестливая... Вот я и пошел домой. Вот только одного не могу понять – как же она собирается одна возвращаться в такую темень и метель? Ты видела, что твориться на улице?

– Видела, конечно... Но мама ничего не боится. Вы же сами купили ей пистолет...

– А она тебе уже про это рассказала?

– И не только рассказала, но и показала. Мне бы тоже было

бы куда спокойнее ходить по улицам, будь у меня в сумочке такая игрушка.

– Но это не игрушка.

– Тем более, значит, еще спокойнее... А за маму вы не переживайте, я уверена, что она отправилась к Лизе не столько из-за примерки, как из чувства, а, вернее, желания показать вам, что она, даже живя с вами, осталась предельно свободной...

Она и сама не могла объяснить себе, зачем говорит это маминому жениху. Быть может, виной тому огромное желание сделать переход мамы из одной жизни в другую более плавным, безболезненным? Ведь это так сложно РАЗОМ отказаться от своих старых привычек и начать жить для другого человека, да еще для мужчины.

– Но она и так свободна и вольна перемещаться в пространстве, как мы и договаривались, но ответь мне, ты, дочь своей мамы, неужели для вас, для женщин эта самая свобода (в которую, как я понимаю, входят встречи с подружками, визиты к портнихе и косметологу, посещение кондитерских и хождение по магазинам) так важна? Неужели вам не хочется пожить в рабстве? Вот я бы, к примеру, был просто счастлив, если бы мне хоть раз кто-нибудь сказал: Борис, где ты шлялся так поздно? город кишит преступниками, убийцами и насильниками, будь осторожен! почему ты не надел шарф, ты что, хочешь схватить ангину или вообще, воспаление легких? до каких это пор ты будешь меня обманывать, что ел

первое? не обманывай, ты сожрал все отбивные, а суп вылил в унитаз... Ну и все такое прочее... Ты понимаешь меня?

– Конечно. Все это вы слышали от вашей мамы, – улыбнулась одними губами Лена, представив себе на минуту Капелюша маленьким мальчиков, выливающим в унитаз суп.

– А ты умненькая девочка... Скажи, а тебе мама когда-нибудь говорила подобные вещи?

– Постоянно. Поэтому, наверно, я выросла такой послушной до омерзения...

– Будет тебе... Не торопись становиться взрослой. Всему свое время. Знаешь, а с тобой приятно разговаривать, ты все понимаешь... Я думаю, что мы с тобой подружимся. Я что хотел тебя спросить...

Но в эту минуту раздался телефонный звонок, и он, сорвавшись с места, кинулся к аппарату и схватил трубку:

– Да, слушаю... Это ты? Откуда звонишь? Вот как? Хорошо, я постараюсь... Хорошо. Да, она дома. Думаю, что она мне поможет...

Он положил трубку счастливый.

– Ну вот и все... Она едет домой. А мне приказала пожарить рыбу.

– А вы сказали, что будто бы я вам помогу?

– Как хочешь. Но по твоему виду не скажешь, что у тебя хорошее настроение, а потому предлагаю тебе пойти вместе со мной на кухню и развеять тоску и печаль в дымном угаре... Знаешь, я всегда что-нибудь готовлю, когда мне пло-

хо...

– Но вам же сейчас хорошо?

– Мне похорошело всего лишь пару минут тому назад. Ну что, ты составишь мне компанию на кухне?

Как долго она потом будет вспоминать этот вечер. Позже вернется мама и будет хвалить Капелюша за сильно зажаренную треску, будет рассказывать о том, что она услышала от Лизы (оказывается, ожидается очередное повышение цен!), а потом они все вместе сядут ужинать, Борис откроет бутылку вина и вечер закончится тем, что мама все-таки уговорит его взять в руки гитару, и он будет петь, и петь замечательно, правда, немного чужим, хрипловатым голосом... А мама будет плакать от умиления, после чего уйдет в спальню и вернется в новом платье – зеленом, облегающем, делающем ее похожей на русалку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.